

ГДЕ ТЫ, ГДЕ ТЫ, МОЯ РОССИЯ?..

Где ты, где ты, моя Россия,
Край черничный, край аистиный,
Где о скалы гремят ключи,
Естества исполняя чин?..
Дупла беличьих там, куничьи,
Пересвист на опушках птичий,
Лешачиха живёт в лесах,
На ребят нагоняя страх.
Там опять ломают шляпы,
Там застыли в тумане цапли,
Охраняя болот покой,
Хоть потрогай его рукой,
Хоть подол окропи росой
Приозёрных лугов – густой,
Хоть печерский слышав звон,
Лоб крести –
Всё как сон, как морок –
Этот край... Не пойму, чем дорог
Тот валун у семи дорог.
Только если забуду даже
Над Изборском пролёт лебяжий,
Переливы полей протяжных,
Сердце будет моё щемить
И щемить...
И тянуть обратно,
К терпеливым глазам Надвратной
В непроглядной сырой дали,
Где кустарник рассыпал бусы,
Где укрыты от глаз убрисом
Все сединки родной земли.
Там крестами и лапки птичьи...

По зарубкам, следам, отличьям
Я найду тебя. Я найду,
Край черничный, край аистиный,
Нищетою своей низины
Мне написанный на роду...

СИНИЧКА СЕВЕРА

В Москве рябины покраснели –
а значит, ранней быть зиме,
и день июльский днём осенним
сегодня кажется вполне.

Ещё вчера шестое чувство
гнало мечты за горизонт,
а нынче – в полдень светит люстра
и сохнет в ванной чёрный зонт...

А! Плюнь на это, в самом деле,
столице дань отдав в сердцах!
Мы удерём на две недели,
исчезнем в порховских лесах!

Билет плацкартный так ли дорог?
И путь – всего-то ночь одна.
Там вётлы встали на пригорок
и соком брызжет бузина...

И пусть хоть дождь, хоть ветер в клочья
бельё с верёвок оборвёт, –
нас книги ждут у лампы ночью,
а утро к озеру зовёт!

Где с комарьём не будет сладу –
черника спеет в сосняке,
и никаких морей не надо
с такой синичкою в руке!

«ПСКОВ – МОСКВА»

Эх, Россия... сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле, голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова гать...
Семафор над лентою дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей,
Память крови – это ли не чувшь?!
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,
Понимаю: потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...
Здесь ложится горечь на уста,
Здесь обычный счёт идёт от ста
Километров и потерь военных...
Молчаливо катится состав,
И на север тянутся места,
И комком в груди – стихотворенье...
Порхов, Локня, Жижица... Двина
На маршруте точкою видна.
Чуть мелькнёт, и вот – уже разлука...
Псковщины предзимняя тоска
В ломоте у правого виска
И стоянка на Великих Луках.

ЛЕНИНГРАДКА

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.
Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чуя ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.
Ты как тень среди других страдальцев –
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!

Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
Времени река не льётся вспять!
Бабушка, ах, если б было можно
Вам тепла и хлеба передать!
...путь домой лежит в январской стыни,
Ни собак. Ни галок. Ни огней.
Да век твой святится имя
В беспощадной памяти моей...

В ПАЛОМНИЧЕСТВЕ

Остеофиты битого асфальта,
Мир двухэтажек, близь черничных троп,
И синяя полуночная смальта,
И сосенок прудотренний озноб.

Шершавые осанистые стены,
Владычицы Печерской тихий лик...
Платочки скорби бабушек согбенных
И первые автобусы «калик».

И ты, моё возлюбленное поле,
За мощным взмахом крытых жестью стен
Зовёшь меня на якорь из неволи –
Эпохи бесконечных перемен.

Живое поле, в вышках марсианских,
Рассветную впитавшее зарю...
Из всех даров, мучительных и царских,
Я за тебя судьбу благодарю.

6 ИЮЛЯ

Лист крапивы не жалится,
Чуть коснувшись руки.
Аграфена-купальница.
Заводь тихой реки.

Оглянусь – нет свидетелей?
Лишь мальки на мели.
Солнце огненным петелом
Польхает вдали.

Сход найду за осокою,
Окунусь с головой
В лепетань синеокою
С животворной водой...

Словно белая горлица,
Вновь ступлю на траву –
Кто сегодня омоется –
Будет год на плаву!

АВГУСТ

Тянет нивяник зелёные шейки,
Взгляд колокольчика свеж, как и прежде.
Дождь-непоседа из старенькой лейки
Вымочил луга цветные одежды.

Ягодник-август, напевник, рассказчик!
Трудно мне будет с тобою расстаться!
Сыростью тянет из порховской чащи,
Ранит осока неловкие пальцы,

Ноет комар-пустозвон, не смолкая...
Спросите: что тебе дорого в этом?
Может быть, это причуда такая,
Может быть, это такая примета –

Кровью черники окрасив ладони,
Тихо смотреть, как у самой дороги
Аисты ходят, что белые кони,
Пряча в траве голенастые ноги?

Август – скитов потаённых смотритель,
Инок Никандровой пустыни дальней...
Тянутся дней паутинные нити,
Полнит вода ключевая купальни...

ИЗБОРСК

И быстрые и медленные воды,
на городище – ветер и простор,
и ясные прощальные погоды,
и августа рябиновый убор,

и робкое дыхание Успенья...
Три Спаса, отзвонившие зарю.
«Пусть будет всё по Твоему хотенью», –
я медленно и тихо говорю.

Купель охватит обжигом студёным!
Сгорят грехи, и, в дар от этих мест,
Блеснёт на солнце алый листик клёна –
Родной земли живой нательный крест.

ИЗБОРЯНКА

Тайна сия в простоте глубока:
Озеро, лебеди, небо, река,
Волны холмов, убегающих вдаль,
В небе закатного солнца медаль.
Грозной Рябиновки мощная кладь,
Дышит невидимо здешняя рать.
Труворов крест коренаст и шершав,
В теле лампадки мерцает душа.
Плачут, звенят и ликуют ключи.
В роще за кладбищем ветер ворчит.
Храм запрокинул седую главу,
Так и застыл, белым сном наяву.
Северной розы дрожат лепестки,
Пары лебязьей скольженья легки...
Там, где лишайником скрыта скала,
Я благодать из ладоней пила.
Я изборянкой когда-то была...

ПОЛЕ ЖИЗНИ МОЕЙ

Не озарением – нравственным выбором
Станешь однажды ты, поле под Выборгом,
Поле за Троицком, поле печорское,
Поле рязанское, тульское, орское.
Поле в ухабинах, поле несжатое,
Поле, подбитое снежною ватой,
Поле, залитое кровью рассветною,
Поле с ромашками – детское, летнее,
Русское море, росистое, пряное,
Поле, как сердце, в терпенье упрямое...
Поле – полон городской разрешившее,
Поле с печальным эпитетом «бывшее».
Поле, тебя перейду я когда-нибудь
В жар августовский, в январскую заметь ли,
Стану у края, такая обычная...
Вдруг мне платочком махнёт земляничина –
В колкой стерне или в снеге протаявшем!
Или в глазу оказалась ресничина?
Или я в сонном блуждании давешнем?
Так и стою, и не чую обочины...
Сок земляничный, сомнения кончены.
Август, и облака белое сочиво.

